

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 117—126.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 117—126.

Научная статья

УДК 364.2:94(71)“1914/18”

DOI: 10.46726/И.2024.5.13

ТЕЛЕФОНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аркадий Владимирович Степанов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

pastenovas@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социальные аспекты процесса телефонизации городского среднего класса России в 1900—1910-е гг. Обозначены главные препятствия на пути развития сетей связи. Изучается динамика численности абонентов телефонных сетей в Петербурге, Москве и ряде провинциальных городов. Отмечен выраженный рост темпов этого процесса в канун Первой мировой войны, особенно заметный в столицах империи. Исследуется степень телефонизации среднего класса и отдельных его слоев — государственных служащих, «лиц свободных профессий», коммерсантов. Подчеркивается демократизация телефонии на рубеже 1910-х гг., проявляющаяся в ее проникновении в коммерческие предприятия, ориентированные на небогатых клиентов. Автор утверждает, что оценивать степень телефонизации российских городов начала XX в., относя число абонентов ко всему их населению, будет неисторично; справедливо сравнивать число абонентов только с численностью среднего класса — потенциальных пользователей электросвязи.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, средний класс, телефонная связь

Для цитирования: Степанов А.В. Телефонизация городского среднего класса России начала XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 117—126.

Дореволюционный этап развития телефонной связи в России не обойден вниманием современных историков. В частности, здесь можно отметить диссертации Л.Г. Авруха (2004), М.С. Высокова, К.С. Криворученко (обе — 2005), а также работы А.В. Островского (2009, 2012). При всех различиях этих исследований их объединяет нечто общее. Авторы смотрят на ход телефонизации преимущественно глазами людей, занимавшихся ее проведением: статистиков из правлений телефонных компаний. Такую точку зрения историкам невольно навязывают изучаемые ими делопроизводственные документы. В настоящей работе мы попытаемся взглянуть на этот процесс «антропоцентрически»: воссоздать социальный портрет потребителя услуг электросвязи. Для этого мы используем простейшие методы подсчета, опираясь на материалы справочных изданий 1901—1916 гг.

Телефон пришел в Россию в 1880-е гг. Однако в первые 15—20 лет его сеть развивалась медленно. Основной причиной была дороговизна услуги: 250 руб. в год с одного абонента в Петербурге и Москве, 150 руб. в Варшаве, Одессе, Риге, Лодзи, Ростове-на-Дону [МВД: 207]. Неудивительно, что к 1898 г. в России имелось лишь 21,5 тыс. телефонных абонентов, почти четверть из которых (5,2 тыс.)

© Степанов А.В., 2024

проживала в Петербурге и Москве [Россия...: 371]. Иными словами, тогда даже в столицах за год прибавлялось не более чем по 350 аппаратов.

Далеко не все россияне встретили телефон с энтузиазмом, причем нередко по иррациональным мотивам. Иные стародумы из мира дворянской аристократии видели в нем не более чем игрушку; другие считали неподобающим для себя «подбегать к аппарату по звонку», словно лакею. Творческая элита Серебряного века также не спешила обзавестись технической диковинкой. Например, в 1913 г. телефонов ещё не имели такие столичные знаменитости, как А. Блок, В. Иванов, А. Куприн, А. Кони. Впрочем, принадлежавшие к тому же кругу петербуржцев В. Короленко и Д. Мережковский уже стали абонентами городской телефонной сети (ГТС) [Весь Петербург 1913].

Приверженцы консервативных взглядов из простого люда подчас чурались телефона словно нечистой силы. Так, нижегородский предприниматель Н.А. Бугров в разговоре с М. Горьким (1901 г.) сетовал, что один из его артельщиков, «умный парень, грамотей, до сего дня, к телефону подходя, крестится, а поговорив, руки мылом моет» [Горький: 223]. Предрассудками руководствовались не только грамотеи-артельщики, но подчас и более ученые верующие. Как мы установили, в 1910 г. в Казани ни один из 35 профессоров и преподавателей местной духовной академии и духовной семинарии, а также никто из 11 протоиереев не имел телефона [Вся Казань]. Впрочем, в столице это отторжение уже переставало действовать: из 20 профессоров Петербургской духовной академии абонентами ГТС к 1913 г. стали шестеро [Весь Петербург 1913].

Пользоваться телефоном на рубеже XIX—XX веков было непросто. Так, в справочнике Иваново-Вознесенска (1912 г.) описание процедуры звонка занимало почти целую страницу и включало 8 пунктов [Список абонентов ... в гор. Иваново-Вознесенске: 3]. Справочник Омска (1915) предписывал абоненту «в столовых аппаратах непременно прижать плотно пружину, находящуюся на рукоятке микро-телефона, в противном случае разговоры не будут слышны» [Список абонентов Омской...: 1]. «Столовыми» здесь названы настольные телефоны, видимо, отличавшиеся конструкцией от настенных. Справочники неизменно указывали, что во время грозы телефонная связь прекращается, и убедительно просили не допускать к аппаратам «лиц в нетрезвом состоянии».

Не были редкостью ошибки соединения, почти неизбежные при ручной коммутации. Они давали благодатный материал тогдашним фельетонистам. Например, в журнале «Сатирикон» [Сатирикон: 3] опубликован такой якобы телефонный разговор: «Барышня, дайте № 59-99, “Новое время”. Что? Это Охранное отделение? Я же просил “Новое время”! Впрочем, всё равно... Пусть кто-нибудь подойдёт!» Намек на близость газеты с «Охранкой» вышел весьма изящным. Ради точности укажем настоящий телефон редакции «Нового времени»: 3-84. Столичное «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка» имело номер 50-23.

Даже после снижения тарифов в начале 1900-х гг. связь оставалась дорогой. Например, в Петербурге в 1913 г. год использования телефона обошелся в 49,5 руб. [Весь Петербург 1913: 13], в Москве в 1916 г. — в 63,2 руб. [Список абонентов Московской...: XI], в Омске в 1915 г. — в 72 руб. [Список абонентов Омской...: 4], а в Астрахани в 1911 г. — и вовсе в 75 руб. [Вся Астрахань...: 136]. Разговор по городскому таксофону в Иваново-Вознесенске в 1912 г. стоил 10 коп.

Одной из причин, которые удорожали электросвязь и замедляли ее развитие, была кража проводов, о чем не раз сообщали русские газеты. Судя по их

материалам, использовавшаяся на воздушных линиях бронзовая проволока диаметром 4 мм [МВД: 208] неизменно привлекала грабителей. О безуспешной борьбе в столицах с охотниками за цветметом мы уже писали [Степанов: 434]. В провинции дела подчас обстояли не лучше. Издававшаяся в Казани газета «Камско-Волжская речь» 1 апреля 1911 г. информировала: «На улице Малое Польце уже давно неизвестными злоумышленниками срезалась телефонная проволока. Вчера утром дежурившим на этом месте городовым был замечен неизвестный субъект, который, закинув железный крюк, привязанный на веревке, на проволоку, обрывал ее. Дав время собрать оборванную проволоку, городовой задержал вора и отправил в полицейскую часть. Проволоки он успел сорвать в четырех пролетах 14 концов».

В 1904 г. Центральный статистический комитет (ЦСК) МВД разослал губернским властям анкету для сбора сведений о состоянии хозяйства городов России. Один из 40 включенных в нее вопросов касался развития телефонии. Часть результатов обработки этих анкет отражена в таблице 1.

Таблица 1

Число абонентов телефонных сетей в городах России в 1904 г.

[Города России...]

Город	Число абонентов	Город	Число абонентов
Астрахань	700	Одесса	2236
Варшава	3940	Харьков	1567
Казань	700	Рига	2999
Калуга	95	Ростов-на-Дону	1030
Нижний Новгород	606	Рязань	108
Новгород	60	Саратов	680

На наш взгляд, данные табл. 1 свидетельствуют, что «мотором» телефонизации служили прежде всего фабриканты и купцы. Города, где были развиты промышленность и торговля (Варшава, Рига, Харьков), или хотя бы только торговля (Астрахань, Ростов-на-Дону, Саратов, Казань), лидировали и по числу абонентов. Напротив, города, остававшиеся сугубо административными центрами (Калуга, Новгород, Рязань), показывали низкие результаты. Одних чиновников, даже в губернском количестве, для развития дорогостоящей сети связи было недостаточно.

Уровень телефонизации России в начале 1910-х гг. отразили ежегодники ЦСК МВД. К сожалению, полнота, точность и сопоставимость приводимых ими подсчетов подчас вызывают сомнения (как и вся тогдашняя телефонная статистика). Если все же поверить цифрам справочника 1914 г., то за два предыдущих года число абонентов сетей, содержавшихся государством, выросло с 56,4 тыс. до 75,9 тыс.; в негосударственных сетях 14-ти «главнейших городов» число абонентов увеличилось со 124,9 тыс. до 168,2 тыс. [Статистический ежегодник...: 93]. Таким образом, оба показателя прибавили поровну — в 1,34 раза. Развитие телефонных сетей явно ускорилося; здесь, впрочем, могло сказываться действие эффекта низкой базы.

Абсолютными лидерами России по числу абонентов оставались Петербург и Москва. Городские справочники, вероятно, превосходящие своей точностью общероссийские, позволяют выстроить подробную картину роста сетей связи в старой и новой столицах (таблица 2).

Таблица 2

Число абонентов телефонных сетей Петербурга и Москвы в 1904—1915 гг.
[Петроград. Статистические...: 15; Список абонентов...: V]

Год	Петербург	Москва	Год	Петербург	Москва
1904	5641	7844	1910	25619	27370
1905	5888	10452	1911	31160	33097
1906	8105	13740	1912	37000	38815
1907	11430	17010	1913	43750	44293
1908	15349	20146	1914	49860	46859
1909	21012	23180	1915	53231	50331

Заметим, что с 1911 по 1913 г. число петербургских абонентов увеличилось в 1,4 раза, а московских — в 1,34 раза; темп телефонизации столиц был практически таким же, как в целом по стране. Это совпадение вряд ли случайно. Именно Петербург и Москва давали большую часть прироста сетей связи: из примерно 63 тыс. телефонов, вновь установленных в эти годы в «главнейших городах» России, ее старая и новая столицы получили 23,8 тыс., т. е. более трети. Иначе говоря, там годовой прирост числа абонентов приближался к 12 тыс. (сравним это с приростом всего на 350 абонентов в год в 1882—1897 гг.!) Понятно, что на этом фоне прибавка 50—100 новых аппаратов где-то в провинции мало влияла на общий итог.

Подсчёт доли абонентов среди *всего населения* того или иного города дает результат, который может показаться незначительным, а то и просто ничтожным. Даже в Петербурге и Москве, где к 1915 г. насчитывалось уже по 50 тыс. абонентов, они составляли 2,5—3,3 % от общего числа жителей. В провинциальных городах этот показатель был ещё ниже: даже в Ялте — летней резиденции императорского двора — он не достиг 1,5 %. Однако, на наш взгляд, оценивать доступность телефонной связи для горожан на основании подобных подсчетов было бы неисторично.

В начале XX в. большинство горожан России никогда не пользовались телефоном. Это относится к лицам таких профессий, как рабочие фабрик и мастерских, домашняя прислуга, большинство рядовых тружеников сферы торговли, общественного питания, бытового обслуживания и транспорта (лавочные приказчики, уличные торговцы, трактирные «половые»), прачки, извозчики, грузчики, дворники), а также к нижним чинам расквартированных в городе воинских частей. Профессионально они не нуждались в телефонной связи, а круг их личного общения ограничивался ближайшими соседями, родственниками или сослуживцами.

Кроме того, для звонка через ручной коммутатор надо уметь читать телефонный справочник, газетное объявление или рекламный плакат, а также правильно называть телефонистке цифры номера. Знакомство с правилами пользования электросвязью подразумевало, как мы видели, понимание таких терминов, как индуктор, микрофон и микротелефон. Подобными знаниями вряд ли владели недавние выходцы из деревень, составлявшие большую часть городского населения.

Не будет преувеличением утверждать, что в России начала XX в. телефон был доступен и нужен — как узкопрофессионально, так и в роли средства бытовой коммуникации — только горожанам, принадлежавшим к *среднему классу*. Ими были, в основном, коммерсанты, служащие (чиновники, земские

и муниципальные работники, младший персонал коммерческих предприятий, офицеры армии и полиции), лица свободных профессий (врачи, адвокаты, педагоги) и белое духовенство (приходские священники, преподаватели духовных учебных заведений). Попытаемся определить, насколько полно они были обеспечены телефонной связью.

Удобным источником для этого могут служить адрес-календари типа «Весь Петербург», «Вся Москва» и их аналоги, издававшиеся — хотя и не со столичной регулярностью — в других губернских городах. Такие календари составлялись по сведениям, которые подавали в редакцию издания сами горожане. Их справка становилась аналогом визитной карточки, доступной неограниченному числу людей. Можно предполагать, что, указывая в ней свой телефон, ее автор приглашал воспользоваться им для связи с собою. Изучение ряда подобных изданий показывает, что в них публиковали сведения о себе именно те, кого мы отнесли к среднему классу. В адрес-календарях не найти «визитку» токаря-путиловца или ткачихи с «Трехгорки», но *буржуа* в самом широком смысле слова представлены там с достаточной полнотой.

Начнем с определения доли «телефонизированных» горожан в составе среднего класса. Используем для этого «Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы» (1911). Он включает десятки тысяч имен; сплошной анализ такого массива представляется неподъемной задачей. Мы сделали две выборки. В первую вошли 10 страниц, взятых с интервалом 10 (буквы алфавита А—В). Вторая выборка охватила другие 10 страниц с тем же интервалом (буквы К—Л). Всего первая выборка охватила 1347 москвичей; из них телефоны имели 187 чел., или 13,9 %. Вторая выборка включила 1228 чел.; среди них оказались 223 абонента ГТС (18 %). Таким образом, среднее по двум выборкам значение охвата телефонной связью москвичей из «Алфавитного указателя» составило 15,9 %. По современным стандартам и эта цифра невелика, однако она на порядок выше той, что получается при делении количества абонентов на *всех* жителей Москвы. Если учесть, что к 1915 г. абонентов московской ГТС стало почти в полтора раза больше (см. табл. 2), и их ряды множились быстрее, чем средний класс в целом, то можно предположить, что уровень телефонизации последнего мог подняться до 20 %.

Анализ справочника «Весь Петербург на 1912 г.» свидетельствует, что в столице этот уровень был уже практически достигнут. Наш подсчет по трем выборкам (всего 15 страниц справочника — по пять в его начале, в конце и в середине) охватил в общей сложности 2858 петербуржцев; из них, как мы выяснили, телефон имели 559 чел., или 19,5 %. Отметим, что репрезентативность трех выборок доказывается совпадением результатов подсчета по двум из них с точностью до десятичного знака; расхождение двух этих результатов с третьим едва выходит за пределы 1 % (соответственно 20,27 %, 19,20 % и 19,21 %).

Анализ справочника «Вся Казань 1910 г.» этим же методом выборки (5 первых + 5 последних страниц адресного блока книги + 5 страниц в его середине) дал не столь «гладкие», но практически одинаковые с Петербургом результаты. Рассчитанный по ним уровень телефонизации среднего класса Казани лежит в интервале от 16,6 % до 20,4 %. Суммарно в три наши выборки вошли 780 жителей; доля владельцев телефонов среди них составила 19,7 %. Есть основания полагать, что к 1917 г. четверть всех среднеклассовых казанцев имела бы доступ к сети электросвязи.

Этот же справочник позволяет определить доли отдельных профессиональных групп в общей массе обладателей телефонов. Наш подсчет показал,

что в Казани из 577 абонентов 40 % принадлежали к коммерсантам, 31 % — к числу «лиц свободных профессий», а 29 % состояли на службе (военной, штатской или частной).

Рассмотрим более детально уровень телефонизации отдельных подгрупп среднего класса. Начнем с элиты его служилой части. По справочнику «Весь Петербург на 1913 г.» мы подсчитали число членов советов пяти министерств (внутренних дел, финансов, торговли и промышленности, народного просвещения, юстиции) и выяснили, кто из них имел домашний телефон. Оказалось, что 55 чиновников из 65 (85 %) уже стали абонентами столичной ГТС. В древней столице России дело обстояло не столь блестяще. Справочник «Вся Москва на 1913 г.» содержит, в частности, сведения о служащих Управления Московского губернатора. Мы установили, что из 13 этих чиновников телефон имелся у 8 чел. (61,5 %).

Уровень телефонизации элиты госслужащих в провинции можно оценить по данным справочника «Вся Казань. 1910 г.». Чтобы статистическая база была шире, мы выбрали всех жителей города, имевших чин статского советника, действительного статского советника и тайного советника. Оказалось, что в редакцию справочника сведения о себе подали 160 обладателей таких чинов. Из них телефоны указали 32 чел., т. е. 20 % от общего числа.

При этом из 52 профессоров Казанского университета абонентами были лишь семеро; уровень их телефонизации (13,4 %) оказался ниже среднего по группе носителей чинов III—V классов. Телефона в 1910 г. не имел даже ректор университета — действительный статский советник, профессор Г.Ф. Дормидонтов. Столичная профессура шла в ногу со временем быстрее. В 1913 г. из 25 произвольно выбранных нами профессоров Петербургского университета телефон имели 18 чел., или 72 %. Впрочем, среди тех, кто еще не обзавелся им, оказались такие выдающиеся ученые, как Л.П. Карсавин, А.С. Лаппо-Данилевский и А.А. Шахматов.

Рассмотрим теперь уровень телефонизации той части среднего класса, которую мы, вслед за составителями справочников, именуем «лицами свободных профессий». Среди них заметное место принадлежало адвокатуре. Наши подсчеты дают здесь следующие результаты.

В 1910 г. сведения о себе опубликовали 53 казанских присяжных поверенных и помощника присяжных поверенных; из них телефонами обладали 30 чел., или 58 %. В Киеве в 1910 г. «заявились» в справочную книгу 387 присяжных поверенных, причем телефоны имелись у 30,7 %. Помощниками присяжных поверенных трудились 237 чел.; телефонами владела восьмая их часть (12,6 %). В 1914 г. уровень телефонизации киевских присяжных поверенных превысил 56 %; среди помощников присяжных поверенных абонентом теперь стал каждый пятый (20,7 %). В том же году в Риге из 100 присяжных поверенных телефон имели 84 чел., а из 29 помощников присяжных поверенных — почти половина (45 %). Наконец, выборочный подсчет по 210 присяжным поверенным Петербурга (1907 г.) показал, что абонентами столичной ГТС были 39 % из них. Результаты существенно различаются, однако они в любом случае многократно выше уровня телефонизации не только всего населения, но и собственно среднего класса. Есть основания полагать, что присяжные поверенные были наиболее телефонизированной его частью.

К числу «лиц свободных профессий» традиционно относят и работников здравоохранения. Телефон требовался им не меньше, чем адвокатам, а уровень заработков частнопрактикующих медиков, как правило, уже позволял оплачивать

не слишком дешевые услуги связи. В казанском справочнике 1910 г. врачи разных специальностей опубликовали 343 «визитки»; из них телефоны указали 66 чел., или 19 %. В Саратове их коллеги осваивали новый вид связи гораздо энергичнее: по нашим подсчетам, из 163 врачей, чьи имена вошли в справочник 1916 г., телефоны имели 85 чел. (более 50 %). Рекордным оказался этот показатель в Риге: там в 1914 г. из 284 врачей домашние телефоны установили уже 222 медика (свыше 78 %).

Вслед за составителями справочников мы отдельно подсчитали число имевших телефоны стоматологов. Так, в Киеве (1910 г.) 220 «зубных врачей» были телефонизированы на 2,3 %, т. е. чуть лучше среднего для всего населения этого города уровня. В 1914 г. абонентами числились уже 6,7 % киевских стоматологов при их общем числе 239 чел. В Петербурге в 1907 г. работали 326 стоматологов; номера своих телефонов указали 10 % из них. Саратовцы и здесь достигли большего: в 1916 г. из 70 местных «зубных врачей» телефоны имелись у 13 чел. (около 18 % от общего числа). Наконец, 125 рижских стоматологов в 1914 г. были телефонизированы уже более чем на четверть (26,4 %). Это, вероятно, один из лучших показателей в России.

Самым многочисленным сегментом среднего класса были предприниматели. Установку телефонов людьми, умеющими считать деньги, можно считать важным свидетельством «встраивания» этого вида связи в серьезную деловую жизнь страны. Для оценки степени телефонизации бизнес-сообщества можно воспользоваться сведениями о наличии телефонов в различных коммерческих предприятиях Петербурга — этого признанного в России «полигона» для испытания и апробации всевозможных новинок.

Таблица 3

Телефонизация отдельных видов предприятий Петербурга (1907—1913 гг.)
[Весь Петербург...]

Вид предприятия	Всего предприятий		Из них имели телефон		Доля телефонизир. предприятий (%)	
	1907 г.	1913 г.	1907 г.	1913 г.	1907 г.	1913 г.
Аптеки	99	133	51	125	51,5	94
Гостиницы	71	118	27	96	38	81
Рестораны	81	152	45	138	56	90,7
Трактиры	174	300	4	137	2,3	45,6
Дома меблированных комнат	254	285	29	144	11,4	50,5
Извоз каретный / автомобильный	47	25	27	24	57	96
Кинотеатры	Н.д.	126	Н.д.	110	-	87

Часть результатов, представленных в табл. 3, вполне ожидаема. Так, почти полная телефонизация к 1913 г. питерских ресторанов отразила тяготение их владельцев к условной европейской модели бизнеса, в которой важную роль играла возможность дистанционного обращения клиентов. Сюжет шуточного рассказа А.П. Чехова «У телефона» — едва ли не самое раннее упоминание этого аппарата в русской литературе — строится вокруг неудачной попытки его героя дозвониться в рестораны «Славянский базар» и «Эрмитаж» и заказать там кабинет. Рассказ был написан через три года после того, как в Москве появились первые телефоны, а вместе с ними, очевидно, и такая услуга. Вероятно, в Петербурге она тоже завелась уже в 1880-е гг. В новом веке успехи столичных рестораторов в деле подключения к ГТС проявились скорее в том, что

если в 1907 г. телефоны имели преимущественно такие «гранды» этого бизнеса, как «Доминик», «Донон», «Контан», «Кюба», «Медведь» или «Эрнест», то к 1913 г. телефонами обзавелись и более скромные заведения типа «Богородск», «Зарайск», «Привал» или «Ягодка».

Общепит Москвы телефонизировался ещё энергичнее. Уже в 1898 г. телефоны имелись в 35 ресторанах из 80, или в 43,8 % [Вся Москва...: 1534—1536]. К 1909 г. практически все они, от «Альпийской розы» до «Яра», были подключены к сети связи. В частности, «Славянский базар» завел даже два номера: 14-20 и 99-54; ресторан «Эрмитаж» на Трубной площади, куда тоже не смог дозвониться чеховский герой, имел номер 5-25. В провинции наблюдался большой разницей. Рестораны Риги в 1914 г. были телефонизированы более чем на 70 %. Напротив, в Казани в 1910 г. свои номера указали только 5 ресторанов из 39; там не имели телефонов ни местный «Славянский базар», ни «Яр».

Аптеки стали принимать заказы по телефону чуть позже ресторанов, но тоже на заре нового века. Например, 17 октября 1902 г. газета «Московский листок» сообщала: «В петербургские аптеки начинают поступать требования об изготовлении лекарств по рецептам, передаваемым по телефону. Такого рода выписывание лекарств наблюдается не только в столице, но и во многих других городах, где имеется телефонная сеть». Естественно, что чем больше становилось абонентов, тем больше стимулов обзавестись своим телефоном возникало у тех предпринимателей, кто работал с клиентами из среднего класса. В Москве в 1913 г. телефон имелся в 85 аптеках из 87 (почти в 98 %); аптеки Риги к 1914 г. были телефонизированы на 94 %; в Казани в 1910 г. свои телефоны указали 68 % аптек.

Возвращаясь к табл. 3, отметим — как особо примечательный — факт быстрой телефонизации тех предприятий, которые традиционно ориентировались на нижний сегмент среднего класса и на еще менее обеспеченные слои горожан — трактиров и домов меблированных комнат. Здесь нельзя исключать соображений погони их владельцев за престижем: телефон превращал эти непритязательные заведения в «почти ресторан» и «почти отель». Но куда вероятнее, что установка хозяевами аппарата стала реакцией на аналогичный шаг их деловых партнеров — поставщиков съестных припасов и напитков, прачечных столового и постельного белья и т. п. В любом случае, это трудно расценить иначе, как демократизацию телефонии. Парадоксально, но в Москве трактиры были телефонизированы даже лучше, чем в Петербурге: наш подсчет только по 255 таким заведениям (менее половины их общего числа) показал, что в 1913 г. телефон имелся в 195 из них (76,5 %). Некоторые, подобно знаменитому трактиру наследников Тестова, имели два номера.

Наконец, очевидно, что почти все владельцы возникших в 1900-е гг. видов бизнеса, связанных с новейшей техникой — кинотеатров и контор по прокату автомобилей с водителем («автоизвоз») — сразу обзавелись телефонами. Вероятно, такие предприниматели-новаторы не испытывали давления традиций недавнего прошлого — тех времен, когда многие деловые люди считали телефон дорогой и никчемной игрушкой.

Список источников

- Адресная и справочная книга «Весь Киев» на 1910 год. Киев: Изд-е С.М. Богуславского, 1910. 923 с.
- Адресная и справочная книга «Весь Киев» на 1914 год. Киев: Изд-е С.М. Богуславского, 1914. 882 с.

- Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов // Вся Москва: адресно-справочная книга на 1911 г. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1911. 665 с.
- Вся Астрахань и Астраханский край: Памятная книжка Астраханской губернии на 1911 год. Астрахань: Губернская типография, 1911. 503 с.
- Вся Казань 1910 г. справочная книга. Казань: Т-во «Вся Казань», 1910. 422 с.
- Вся Москва: адресно-справочная книга на 1913 г. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1913. 1805 с.
- Весь Петербург на 1907 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1907. 1415 с.
- Весь Петербург на 1913 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1913. 1691 с.
- Весь Саратов. Адресно-справочная книга на 1916 г. Саратов: Типография «Саратовская почта», 1916. 136 с.
- Вся Рига. Адресный указатель г. Риги за 1914 г. Рига, 1914. 668 с.
- Города России в 1904 году. СПб.: Типография Н.Л. Ныркина, 1906. 914 с.
- Горький А.М. Н.А. Бугров // Горький А.М. Собр. соч.: в 30 томах. Т. 15. М.: Художественная литература, 1951. С. 208—241.
- (МВД) Министерство внутренних дел. 1802—1902. Исторический очерк. Приложение второе. Почта и телеграф в XIX столетии. СПб.: Типография МВД, 1901. 264 с.
- Москва. 1898. Справочник. М., 1898. 92 с.
- Петроград. Статистические данные, относящиеся к городу Петрограду и Петроградскому городскому хозяйству. СПб., 1916. 99 с.
- Россия. Ее настоящее и прошедшее. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1900. 1058 с.
- Сатирикон: Ежедневное издание. 1908. № 8.
- Список абонентов и условия пользования телефонным сообщением в гор. Иваново-Вознесенске. Ив.-Вознесенск: Типо-литография С. и Е. Соколовых, 1912. 47 с.
- Список абонентов Московской телефонной сети. 1916. М., 1916. 958 с.
- Список абонентов Омской телефонной сети на 1915 год. Томск: Изд-во Квасневского, 1915. 60 с.
- Статистический ежегодник России. 1914 г. (Год одиннадцатый). Петроград: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1916. 354 с.
- Чехов А.П. У телефона // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. М.: Наука, 1976. С. 312—314.

Список литературы / References

- Аврух Л.Г. Телефонизация Петербурга. 1882—1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 24 с.
- (Avruk L.G. Telephonization of Petersburg. 1882—1917: abstract of the diss. ... Candidate of Sciences (History), St. Petersburg, 2005, 24 p. — In Russ.)
- Высоков М.С. Российская империя на путях модернизации: зарождение и развитие электросвязи в XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. 44 с.
- (Vysokov M.S. The Russian Empire on the ways of modernization: emergence and development of electric communication in the 19th and early 20th centuries: abstract of the diss. ... Doctor of Sciences (History), St. Petersburg, 2004, 44 p. — In Russ.)
- Криворученко К.С. Становление и развитие московской городской телефонной сети: 1882—2005 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 28 с.
- (Krivoruchenko K.S. Emergence and development of Moscow city telephone network, 1882—2005: abstract of the diss. ... Candidate of Sciences (History), Moscow, 2005, 28 p. — In Russ.)
- Островский А.В. У истоков телефонной связи в России // Телефонная связь: Прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Центральный музей связи им. А.С. Попова, 2012. С. 18—24.
- (Ostrovsky A.V. At the beginning of telephone communication in Russia, *Telephone communication: past, present, future*, St. Petersburg, 2012, pp. 18—24. — In Russ.)

Степанов А.В. Телефонная связь в городах России начала XX в. по материалам прессы // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете — 2023. Иваново: ИВГУ, 2023. С. 431—439.

(Stepanov A.V. Telephone communication in Russian cities at the turn of the 20th century as reported by the press, *Science and research activities in a classic university* — 2023, Ivanovo, 2023, pp. 431—439. — In Russ.)

TELEPHONIZATION OF URBAN MIDDLE CLASS IN EARLY 20th CENTURY RUSSIA

Arkady V. Stepanov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pastenovas@mail.ru

Abstract. The paper deals with some social aspects of diffusion of telephone communication into the milieu of urban middle classes in Russia during the 1900s and 1910s. General dynamics of the number of telephone subscribers' numerical growth is studied. The rise of telephone penetration pace on the eve of World War One is registered. A degree to which some segments of the middle class, such as high-ranking civil servants, professionals and business people were provided with telephone services, is examined. Democratization of telephony manifesting itself in its proliferation into businesses that dealt with low-income customers is underlined. The author's point is that measuring the degree of telephone services installation in late Imperial Russia by dividing the number of subscribers by the total number of urban residents is incorrect. The more reasonable approach is to compare the former only with middle class urbanites that made the potential pool of modern communication users.

Keywords: Late Imperial Russia, middle class, telephone communication

For citation: Stepanov A.V. Telephonization of Urban Middle Class in Early 20th century Russia, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 117—126.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted on 15.04.2024; approved after reviewing on 03.09.2024; accepted for publication on 16.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Степанов Аркадий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pastenovas@mail.ru

Stepanov Arkady Vladimirovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pastenovas@mail.ru